

Решение вопросов периодизации и хронологии является для археологов своеобразным этапом, который завершает эмпирическую стадию обработки источника и в то же время знаменует качественно новый интерпретационный исторический уровень (Захарук 1969, с. 11–20; Захарук, 1977, с. 35; Клейн, 1978, с. 98).

Исследование позднего каменного века в Казахстане имеет свою историю, пусть пока небогатую, но достаточно емкую для отражения перспективности изучения каменного века в республике (Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 35; Акишев, 1978, с. 5–6; Алпысбаев, 1970, с. 228). В этом плане имеются сведения у Л.А. Чалой (Чалая, 1970, с. 79–86; Чалая, 1970, с. 241–250; Чалая, 1970, с. 309; Чалая, 1971, с. 15), С.С. Черникова (Черников, 1950, с. 63–70; Черников, 1970, с. 35; Черников, 1972, с. 59–62), А.А. Формозова (Формозов, 1951, с. 115–121), занимавшихся в свое время непосредственно неолитической тематикой Казахстана. Все авторы отмечали неудовлетворительное состояние изучения позднего каменного века по сравнению с эпохами бронзы и железа.

Несмотря на то что к 1960-м гг. на археологическую карту Казахстана было нанесено более 500 стоянок каменного века голоценового времени, их раскопки практически не проводились. Если в литературе упоминалось о неолите Казахстана, то фигурировали одни и те же памятники – Усть-Нарым, Пеньки I, II, Караганда XV, Зеленая Балка, Агиспе, Саксаульская. И это на фоне территории, которая составляет более 4 тыс. кв. км!

Черников С.С. на основе многолетних раскопок поселения Усть-Нарым, а также пос. Мало-Красноярка и подъемных сборов с нескольких пунктов (Черников, 1956, с. 43–60; Черников, 1957, с. 12–21; Черников, 1956, с. 99–106) выделяет один период – поздний неолит и ограничивает хронологически III – началом II тыс. до н.э. Правда, в пределах этого отрезка им выделена чисто предположительно более ранняя (Мало-Красноярская) и поздняя (Усть-Нарымская) фазы (Черников, 1970, с. 41).

Основанием для создания периодизации и хронологии явились стратиграфические наблюдения и синхронизация типов орудий с инвентарем неолитических объектов сопредельных регионов – Урала (Раушенбах, 1956 с. 56; Збруева, 1946, с. 182–190 ; Бадер, 1950, с.143; Чернецов, 1947, с. 79 ; Чернецов, 1953, с.10; Сальников, 1962, с. 18; Крижевская 1968, с. 132), Сибири (Окладников, 1950, с. 343), Средней Азии (Виноградов, 1968, с. 64–75; Толстов, 1948, с. 240).

Археологический материал Усть-Нарыма типологически неоднороден и находит широкие аналогии в комплексах Казахстана и сопредельной территории от мезолита до энеолита (Чалая, 1971, с. 13).

Примерно в этом же ключе решена проблема периодизации Северо-Восточного и Центрального Казахстана у Л.А. Чалой. Основные положения ее диссертации изложены в ряде публикаций (Чалая, 1973, с. 188–203). Автор на примере коллекций двух раскопанных памятников (остальные сборы) выделила ряд локальных групп, отличающихся в техническом и типологическом отношении. К сожалению, практически все пункты, за исключением ст. Каратургайского местонахождения 5, отнесены Л.А. Чалой к III тыс. и с некоторыми оговорками к IV тыс. до н.э. (Чалая, 1973, с. 188–203).

В начале 1960-х гг. в Карагандинском бассейне М.Н. Клапчук открыто около 60 стоянок каменного века, и две из них частично раскопаны. Это стоянки Караганда XV и Зеленая Балка IV. Результаты раскопок опубликованы в трех статьях, которые широко использовались для археологических построений другими исследователями (Клапчук, 1965, с. 212–216; Клапчук, 1969, с. 108–118; Клапчук, 1970, с. 153–160). Особенно интересна стоянка Караганда XV. Это многослойный памятник, со стратиграфией, на основе которой М.Н. Клапчук предложена периодизация неолитических памятников Центрального Казахстана. Клапчук М.Н. выделяет три этапа неолита, который не выходил за рамки III тыс. до н.э. (Клапчук, 1969, с. 108).

Определенные успехи в изучении голоценовых памятников каменного века были достигнуты в Южном и Западном Казахстане.

В начале 1970-х гг. Х.А. Алпысбаевым в Каратау обследован ряд пещер, содержащих археологические материалы послепалеолитического времени (Алпысбаев, 1977, с. 93).

В Приарале и Прикаспии также известны многочисленные пункты, давшие большие коллекции, но, к сожалению, с поверхности (Мелентьев, 1975, с. 113; Мелентьев, 1977, с. 101; Виноградов, 1968, с. 64–75; Формозов, 1972, с. 17–26; Формозов, 1959, с. 47–59; Формозов, 1950, с. 141–147). А использование только подъемного материала при решении вопроса периодизации и культурной принадлежности усиливает субъективную роль исследователя.

Широко известны в литературе материалы с территории Юго-Западного и Западного Казахстана, изучение которых было начато уже в 1920-е гг. (Синицын, 1951, с. 98).

Большое внимание в свое время уделил этому району А.А. Формозов, опубликовав ряд работ, датировав их поздним неолитом и энеолитом (Формозов, 1959, с. 47–59; Формозов, 1949, с. 49–58; Формозов, 1950, с. 65–75; Формозов, 1950, с. 141–147).

Новые материалы, полученные из раскопанных памятников на этой территории в последние 10–15 лет, вносят определенные коррективы в интерпретацию периодизации и хронологии голоценовых объектов эпохи камня.

Так, В.П. Логвиным открыт и частично исследован в Кустанайской и Тургайской областях ряд стоянок с очень своеобразным кремневым инвентарем и керамикой. Это стоянки на р. Каинды, Евгеньевка, Амангельды, Матросово и др. (Логвин, 1976, с. 491; Логвин, 1977, с. 273).

Заключая обзор состояния интересующего нас вопроса по Казахстану, следует сказать, что, несмотря на ограниченность стационарных исследований неолитических памятников, исследователи на том уровне информации в целом объективно решали типологические и

классификационные вопросы. Новые материалы, полученные в основном в процессе стационарных исследований отдельных микрорайонов Северного Казахстана, позволяют иногда уточнить, а в целом удревнить и выделить отдельные этапы в периодизации неолита северной части Казахстана.

Прежде чем остановиться на периодизации неолита этого района, следует еще раз подчеркнуть, что на примере раскопанных стоянок впервые удалось выделить мезолитический пласт. В работе показано, что в каждом микрорайоне присутствуют мезолитические комплексы. Не останавливаясь подробно на проблемах мезолитической периодизации, отметим, что типологически и технически в мезолите намечаются два этапа – ранний (не позднее X тыс. до н.э.) и поздний (до VII тыс. до н.э.). На этом мезолитическом «фундаменте» и построена периодизация неолита, завершают которую этапы энеолита и ранней бронзы. Таким образом была получена периодизация среднего и позднего каменного века и прослежены переходные этапы от эпохи камня к металлу.

Для позднекаменного века Северного Казахстана выделены три периода – ранний, средний, поздний неолит.

Выделение раннего неолита стало возможным на основании стратиграфии, получения серийных чистых комплексов, типологической сопоставительной характеристики с сопредельными территориями, где имеются абсолютные даты.

К нему относятся следующие группы памятников, выделенные на хронологической основе по микрорайонам: I группа стоянок Явленского микрорайона (Явленка VI, VII, Карлуга III, Боголюбово III); II группа памятников Виноградовского микрорайона (Виноградовка II (верхний слой), Виноградовка XIV и др.); III группа Тельманского микрорайона (Тельмана I, X, XIV, VIII б, Жабай-Покровка I).

Стратиграфически, как уже отмечалось, для этих памятников характерна определенная закономерность, а именно: культурные слои приурочены к подошве легкого гумусированного суглинка или супеси. Перекрывают их

почвы пойменного характера (см. стратиграфию памятников Виноградовского и Тельманского микрорайонов), что соответствует началу атлантического периода.

Наиболее выразительны следующие типы кремневого инвентаря: резцы (боковые, угловые); трапеции симметричные, иногда с выемками по верхнему основанию; пластины с торцевой выемкой; развертки; наконечники стрел на пластинах с ретушированным пером и прямым; скребки на пластинах – со скошенным лезвием, прямым, фигурным, округлым. Своеобразны ножи на округлых удлиненных отщепках. Наконечники дротиков с двусторонней обработкой представлены в обломках, в сечении листовидной формы, толщина наконечников до 1,5 см. Имеются и макроформы (скребла, ножи, молоты и т.д.). Везде в данных коллекциях присутствует керамика. Ее, как правило, немного. Она остродонная, тонкостенная, слабого обжига, с примесью в тесте дресвы, крупного песка или растительных остатков. Украшена «шагающей» гребенкой, легкими ямочными вдавлениями, волнистыми прочерченными и накольчатými линиями.

Раннеолитические комплексы не только отличаются от позднего мезолита по всем признакам, указанным в разделе методики исследования, но и сохраняют значительную преемственность в технологии и типологии. Если в мезолите сырьем служил набор различных пород кремня, яшмы, кварцита, хрусталя, то в раннем неолите сырье стабилизируется – используется в основном яшмовидный качественный кварцит серого или светло-коричневого цвета.

В неолите происходит дальнейшее развитие индустрии пластины. Индустрия отщепов изменяется мало, и поэтому остановимся на характеристике первой.

В раннем неолите по сравнению с мезолитом набор типов орудий становится гораздо богаче, разнообразнее вторичной обработки. Появляются двусторонние формы, рубящие орудия с частичной шлифовкой, и, наконец, в неолите появляется керамика.

К среднему неолиту относятся: III группа стоянок Явленского (Явленка IV, V, Карлуга IV,

Боголюбове II, Булаево I и др.); II группа Виноградовского (Виноградовка X, XI), III группа Тельманского (Тельмана XV, XVII, Заимка I, Жабай-Покровка III и др.) микрорайонов. Находки на памятниках приурочены к подошве гумусированной супеси и черноземного слоя. На этом этапе в индустрии кремня постепенно утрачиваются мезолитические традиции. Набор инвентаря характеризуется сочетанием орудий на пластинах и отщепках с двусторонне обработанными формами. Среди последних широко распространены наконечники стрел правильной листовидной формы. Своеобразны ножи с выделенной ретушью или резцовым сколом рукоятью или без нее. Спорадически встречаются наконечники на пластинах, мелкие высокие трапеции и другие типы. Практически совсем исчезают боковые резцы, пластинки с притупленной спинкой и торцом, с торцевой выемкой и другие ранние (мезолитические и раннеолитические) типы. Присутствуют в коллекции и макроформы – скребла, ножи, отбойники, молоты и прочие изделия.

Керамика по-прежнему невыразительна и фрагментарна. Она яйцевидной формы, тонкостенная, черепок среднего обжига, с примесью дресвы, песка, иногда растительных остатков.

Поздний неолит. К нему относятся IV группа Явленского (Явленка III, Бишкуль I, Карлуга, Красногорка, Энбек и др.), Тельманского (Тельмана XI, XII, XIII, 1X б и др.) и ряд стоянок Виноградовского микрорайонов, изученных лишь разведками (Берлиновка I, Кучковка I, Кенеткуль III и др.).

Культурные остатки широко встречаются в верхнем почвенном (гумусированном жирном слое) горизонте, иногда выходят на поверхность. Возраст верхних отложений в долинах и на степных речках определен повсеместно III тыс. до н.э.

Комплексы каменного инвентаря отличаются от материалов предшествующих этапов по всем признакам. Сырье (грубый кварцит) характеризуется грубостью и некачественностью, оно использовалось прежде всего для изготовления орудий на отщепках и двусторонних

форм. Пластинчатая техника не практикуется, хотя в коллекциях присутствуют пластины этого времени, но почти все без вторичной обработки.

В керамике преобладают сосуды тонкостенные, круглодонные и с приостренным дном, украшенные гребенчатым штампом в виде ломаных линий, наколов палочкой, прочерченных волнистыми линиями.

В эпоху энеолита происходят существенные изменения прежде всего в использовании сырья для производства орудий труда. Место камня и кости начинает занимать металл – медь, а затем и бронза. Какую роль это сыграло в древней истории общества, широко известно.

Предложенная периодизация, безусловно, не представляет собой окончательного варианта, но достаточно полно отражает современный уровень источниковедческой базы в Северном Казахстане. Сложнее обстоит дело с абсолютным датированием каждого из выделенных периодов. По археологическим материалам региона в настоящее время достаточно уверенно можно говорить лишь о нижней и верхней датах неолитической эпохи.

В нашем распоряжении имеется дата по С14 (10540 + 200 от наших дней), полученная из угля, извлеченного из ямы на территории мезолитической стоянки Тельмана XIVa. Она отражает, вероятно, начальный этап позднего мезолита, финал которого в Зауралье, Средней Азии по целой серии радиоуглеродных датировок датируется VII–VI тыс. до н.э. (Старков, 1978; Виноградов, 1977). Поскольку технологически и типологически позднемезолитические и раннеэнеолитические комплексы близки, генетически связаны, то временной разрыв между ними не может быть большим. С учетом имеющейся даты финал мезолита датируется VII тыс. до н.э. А следовательно, ранний энеолит надо датировать концом VII – VI тыс. до н.э. Хронологические рамки конца каменного века (включая энеолит) определяются достаточно точно – началом II тыс. – XVIII в. до н.э. Например, в поселении Вишневка I на полу жилища у очага найдено несколько «импортных» сосудов петровско-алакульского типа (За-

йберт, 1973, с. 108), что совпадает со временем оформления андроновской культурно-исторической общности.

Исходя из этих рамок, определивших начало и конец позднекаменного века на рассматриваемой территории, хронология среднего, позднего неолита и энеолита укладывается в рамки V – начала II тыс. до н.э. В какой-то степени это близко к хронологическим этапам, выделенным на сопредельных территориях (Коробкова, 1969, с. 178).

Сравним памятники Северного Казахстана с точки зрения периодизации с наиболее ярким поселением Восточного Казахстана – Усть-Нарымом. Тщательный типологический и трасологический анализ произведен Г.Ф. Коробковой и изложен в указанной монографии данного ученого. Позволим себе не согласиться с автором в вопросе об особенностях комплекса Усть-Нарыма, якобы отличающих его от памятников Казахстана и Средней Азии. Коробковой Г.Ф. отмечается своеобразие форм нуклеусов – от клиновидного (кокоревского) типа до конического, широко распространенного в неолите (Коробкова, 1969, с. 125).

При сопоставлении наших материалов со стоянкой Караганда XV, Зеленая Балка IV наблюдается высокая степень сходства в технологии и типологии. Тот же принцип вкладышевости, большое количество трапедий, резцов. Имеются наконечники стрел на пластинах, идентичные экземплярам из Тельмана I, X, Мичуринская I.

Часть коллекции Караганда XV находит аналогии в позднеэнеолитических и энеолитических комплексах Северного Казахстана. Это, например, двусторонние наконечники стрел с выемкой в основании и другие типы (II слой по М.Н. Клапчуку) (Клапчук, 1965, с. 212).

Стоянки Северо-Восточного Казахстана, исследованные Л.А. Чалой, также близки к многим мезолитическим, раннеэнеолитическим и энеолитическим памятникам. Стоянка Петки I аналогична Тельмана I, X (за исключением мезолитических форм) (Чалая, 1971, с. 14). Каратургайские пункты также синхронизируются от мезолита до энеолита.

В Приаралье наиболее близки к ранне-неолитическим памятникам стоянка Агиспе и ряд орудий стоянки Саксаульской I. Их ранний возраст (в пределах неолита) отмечали А.П. Окладников (Окладников, 1956, с. 313), А.В. Виноградов (Виноградов, 1968, с. 156), А.А. Формозов, опубликовавший эти материалы, датировали их III тыс. (Формозов, 1949, с. 49–58; Формозов, 1950, с. 141–147).

При сравнении кустанайских памятников на Тоболе с ишимскими намечается определенная близость. Стоянки, опубликованные К.В. Сальниковым (Сальников, 1962, с. 16), А.А. Формозовым (Формозов, 1951, с. 115–121), В.Н. Логвиным, носят смешанный характер. Наиболее интересны несколько пунктов, хронологически достаточно однородных.

Первый памятник – это стоянка Амангельды I, раскопанная В.Н. Логвиным. Автор раскопок, а затем Л.Я. Крижевская (Крижевская, 1975, с. 161) отнесли ее к рубежу IV–III тыс. до н. э. На наш взгляд, она должна относиться к раннему неолиту, ибо по всем признакам – сырью, технике расщепления, набору – коллекция близка к материалам типа Тельмана X.

Другой памятник, Евгеньевка I, исследован сборами. Коллекция смешанная. Логвин В.Н. синхронизировал стоянку со слоем Va Джебела и датирует ее в пределах IV тыс. до н. э. При просмотре коллекции встречались типично мезолитические формы.

Итак, намеченная периодизация и хронология на материалах Приишимья в общих чертах отражает закономерности в развитии материальной культуры неолитического населения большей части Казахстана. Это, конечно, не исключает определенных хронологических сдвигов, культурного своеобразия отдельных регионов республики на протяжении мезолита – неолита.

Подведем некоторые итоги. Периодизация неолита Казахстана (в том числе Северного) до 1970-х гг. базировалась на ограниченных материалах и зависела от разработанности этого вопроса на сопредельных территориях Средней Азии, Западной Сибири, Урала.

В связи с работами СКАЭ появилась возможность проследить закономерность развития материальной культуры в неолите, начальные этапы которого датируются не позднее VI тыс. до н. э., а в III тыс. появляется первый металл.

Предстоит дальнейшее уточнение периодизации и хронологии на базе новых материалов различных районов Казахстана.

Объективно сложилось так, что вопрос о культурной принадлежности неолитических памятников Казахстана не ставился в литературе вплоть до 1960-х гг., или же затрагивался опосредованно в процессе полемики о связях уральского и среднеазиатского неолита (Черников, 1947, с. 56). Между тем в Казахстане были известны неолитические материалы, правда, из сборов, но достаточно многочисленные для получения общего представления о характере индустрии этого региона.

Несмотря на определенную близость казахстанских материалов уральским, А.П. Окладников в 1941 г. при выделении восточно-уральской культуры ограничил ее восточные границы Нижним Приобьем. В лесостепи Зауралья и Казахстана, по мнению А.П. Окладникова, распространялись в неолите степные культуры (Окладников, 1941, с. 7), что подтвердилось исследованиями автора и ряда других специалистов.

Другие авторы подходили к анализу уральского и казахстанского неолита с иной точки зрения. Вслед за С.П. Толстовым и А.В. Збруевой (Толстов, 1941, с. 214; Толстов, 1948, с. 243; Збруева, 1946, с. 182), отмечавших близость кельтеминарских и среднеуральских неолитических памятников, В.Н. Чернецов намечает уже определенную урало-среднеазиатскую этнокультурную общность.

В свете концепции ученых С.П. Толстого, В.Н. Чернецова, А.В. Збруевой вопросы связи Урала и Средней Азии в неолите рассмотрены впоследствии О.Н. Бадером (Бадер, 1970, с. 158; Халиков, 1969, с. 252).

С иной точки зрения к вопросу культурной принадлежности степных и полупустынных памятников Казахстана подошел

А.А. Формозов (Формозов, 1950, с. 65). Уже в 1949 г. он выделяет для Приаралья западноказахстанский вариант кельтеминарской культуры и ограничивает его влиянием хорезмского неолита (Формозов, 1949, с. 50).

Через 10 лет им же опубликована работа, принципиально отличная от точки зрения работ сторонников урало-азиатской этнической близости (Формозов, 1959, с. 162). Формозовым А.А. совершенно справедливо, на наш взгляд, показано, что на огромных пространствах Евразии, в степных и пустынных зонах распространены памятники с очень близкой микролитической индустрией, основанной на специализированной пластинчатой технике расщепления нуклеусов и использования пластин в качестве вкладышей. Это результат конвергенции образования культурно-хозяйственных типов в сходных экологических условиях.

В начале 1960-х гг. К.В. Сальниковым на базе южно-уральских и частично кустанайских материалов выделена урало-казахстанская общность (Сальников, 1962, с. 17). В конце 1960-х гг. Л.Я. Крижевская уточняет, намечая юго-урало-казахстанскую этнокультурную область (Крижевская, 1968, с. 123).

Однако логичнее было бы назвать выделенную ею этнокультурную область собственным именем и строго очертить ее территорию, ибо Л.Я. Крижевская включает в нее районы Казахстана, которые еще не были изучены (Крижевская, 1975, с. 162).

Говоря о наличии больших этнокультурных областей, Л. Я. Крижевская совершенно справедливо допускает существование более мелких структур – археологических культур и вариантов, что находит подтверждение в процессе сегодняшних исследований на Южном Урале и в Северном Казахстане.

В начале 1950-х гг. А.А. Формозов выделяет в Казахстане три территориальные группы неолитических памятников – южноуральскую, приаральскую, семипалатинскую (Формозов, 1951, с. 117). Ему возразил В.Н. Чернецов, который отстаивал точку зрения о близости неолитических комплексов на широкой территории Зауралья и Казахстана (Чернецов, 1947,

с. 80). Черников С.С. также считал, что между материалами указанных территорий нет особенной разницы, но с открытием поселения Усть-Нарым он изменил свою точку зрения и поставил вопрос о выделении особой усть-нарымской культуры (Черников, 1957, с. 13).

В 1970 г. в докторской диссертации С.С. Черников выделяет на территории Казахстана шесть локальных групп неолитических памятников в рамках одной культурно-исторической общности, датирующихся им в пределах конца IV - начала II тыс. до н. э. (Черников, 1970, с. 54). Это Восточный Казахстан, Северо-Западный Казахстан, Приаралье и Юго-Западный, Северный Казахстан, Северное Прибалхашье и Бетпак-Дала, северная полоса Центрального Казахстана.

Выделенные группы отличаются, по его мнению, «набором орудий, особенностями техники изготовления, керамикой, характером хозяйственной деятельности». Он также предполагал существование семиреченской, южноказахстанской и устюрт-мангышлакской групп (Черников, 1972, с. 60).

На наш взгляд, выделение произведено достоверно лишь на основании одного критерия – географического, а этот признак не является диагностическим, поскольку практически вся территория была заселена неолитическим населением.

По пути выделения локальных групп в неолите Центрального и Северо-Восточного Казахстана пошла Л.А. Чалая. Отрицая существование семипалатинской, приаральской и южноуральской групп (по А.А. Формозову) и считая вопрос о культурно-исторической общности неолита Казахстана открытым (Чалая, 1970, с. 242), она намечает четыре ареала: железинский, усть-нарымский, каратурсгайско-прибалхашский и карагандинский. В целом можно согласиться с Л.А. Чалой в том, что выделенные ею ареалы достаточно своеобразны и имеют право на существование. Причины своеобразия ученый видит в широких контактах населения Казахстана, Урала, Западной Сибири, Прибайкалья, Средней Азии.

Одной из особенностей казахстанских материалов Л.А. Чалая считает наличие пережиточных мезолитических традиций, тяготеющих к югу нашей страны, а керамика, встречающаяся с таким кремнем, наоборот, близка южноуральской и западносибирской (Черников, 1959, с. 99). Этот факт исследователь склонна расценивать как закономерность.

Однако следует вывод из вышесказанного, что сопоставлять две территории только по кремню или керамике нельзя, ибо теряются внутренние причинно-следственные связи, существовавшие некогда у носителей тех или иных археологических культур.

Таким образом, к концу 1970-х гг. в литературе не получила общего признания точка зрения С.С. Черникова, Л.А. Чалой, Л.Я. Крижевской, К.В. Сальникова о культурной принадлежности неолитических памятников Казахстана. Причина одна – огромная территория и малая изученность.

Современные данные по неолиту Северного Казахстана подтверждают, что территория республики в неолите входила в микролитическую зону, и намечается ее более дробная иерархическая структура. Наши материалы позволяют расширить границы этой зоны, намеченной впервые А.А. Формозовым (Формозов, 1959, с. 48), включить в нее северные районы Казахстана и лесостепную часть Зауралья и Западной Сибири.

В азиатской микролитической культурной зоне в настоящее время достаточно четко выделяется североказахстанская этнокультурная область. Она занимает территорию Тоболо-Иртышского междуречья – от Тюменского Приишимья на севере до Карагандинского бассейна на юге. Наиболее изучены и соответственно более широко представлены на археологической карте районы Приишимья. Выделяемая нами этнокультурная область охватывает широкий хронологический диапазон – от мезолита до энеолита. Всесторонний анализ многочисленных коллекций из различных микрорайонов изучаемой территории позволил поставить вопрос о выделении культуры. Думается, ее можно назвать атбасарской, так

как яркие комплексы данной культуры получены в Тельманском микрорайоне близ города Атбасара. Она охватывает период финального мезолита и среднего неолита. Намечаются ее локальные варианты – тельманский (районы верхнего течения Ишима и нижнего течения р. Нуры) и явленский (р. Чаглинка и среднее течение Ишима).

В среднем неолите продолжает проследиваться генезис явленского варианта и нивелирование тельманского за счет их активного взаимодействия.

В позднем неолите-энеолите происходит сложение уже качественно новой культуры, распространяющейся в пределах этнокультурной области – ботайской.

В раннеэнеолитическое время памятники атбасарской культуры (оба варианта) были распространены в пределах намеченной североказахстанской этнокультурной области и в ряде случаев за ее пределами. Северо-восточным форпостом являются памятники Прииртышья: Пеньки и Омская стоянка (Матющенко, 1966, с. 79).

Северо-западной границей распространения атбасарской культуры является Притоболье, а западной и юго-западной – Тургайская ложбина.

Из раскопанных памятников этих районов наиболее близка Тельманскому стоянка Амангельды. Притоболье и Тургайская ложбина в неолите являлись контактной зоной между казахстанским, южно-уральским и южно-зауральским населением, что в полной мере отразилось в облике материальной культуры. Эта близость наблюдается, по нашим данным, лишь в контактной зоне Притоболья и Тургайской ложбине. Южная граница распространения атбасарской культуры проводится предварительно до Карагандинского бассейна, где раскопаны две стоянки Караганда XV (Клапчук, 1970, с. 153), Зеленая Балка 4.

На юге Акмолинской области В.Н. Волошиным исследована родниковая стоянка Жанбобек 4 (Волошин, 1978, с. 511–512). В культурном слое мощностью до 50 см найдены керамика и кремь, аналогичные поселению Тельмана X.

Западнее, восточнее и южнее карагандинских памятников известны лишь материалы, полученные в результате сборов (Маргулан, 1948, с. 129). Типологически коллекции неоднородны, поэтому трудно говорить что-либо определенное. Однако не исключено, что с изучением Центрального и Юго-Западного Казахстана здесь будут выявлены ранне-неолитические комплексы. На более отдаленной от Северного Казахстана территории Средней Азии в последние 10 лет выявлены неолитические комплексы, причем датированные по радиоуглероду, которые хронологически можно сопоставлять с памятниками атбасарской культуры. Это стоянка Учаши 13, которая дала серию «рогатых трапеций», и аналогичная стоянка Бешбулак 15. В остальном эти комплексы довольно своеобразны.

И, наконец, на территории Средней Азии известен памятник Оюклы, расположенный в юго-восточном Прикаспии (Марков, 1961, с. 68).

В 1970-е гг. на Устьурте Е. Бижановым выявлены стоянки, давшие серии трапеций с выемкой, резцов и другие типы (Бижанов, 1973, с. 210–211; Бижанов, 1978, с. 18).

На Южном Урале, который достаточно хорошо изучен, пока также неизвестны памятники, которые давали бы материал, близкий по набору к ранне-неолитическим памятникам атбасарской культуры.

На позднем этапе атбасарской культуры в среднем неолите культурное окружение уже несколько иное. Изменяется и облик выделяемой нами культуры, где доминирует явленский вариант.

Изменения, прослеженные в облике кремневого инвентаря на данном этапе, однозначно объяснить трудно. Но очевидно, что доминантой в этом процессе явились внутренние причины – развитие производительных сил общества.

Особенностью позднего этапа атбасарской культуры является наличие среди кремневого инвентаря некоторых памятников (пос. Виноградовка X) архаических типов – пластинок с притупленной спинкой и ретуширо-

ванным торцом, наиболее характерных для позднего мезолита Северного Казахстана. В коллекциях среднего неолита существенно возрастает процент остеологического материала и изделий из костей животных.

Керамика, представленная в описанных нами комплексах, по-прежнему малочисленна и невыразительна, она тонкостенная, с примесью дресвы, растительных остатков, песка. Форма – круглодонная или яйцевидная, орнамент беден – «шагающая» гребенка, гребенчатый зигзаг или накольчатые линии, или ямочные вдавления.

Памятники этого времени, локализуясь в пределах североказахстанской этнокультурной области, являются, как и ранне-неолитические, достаточно своеобразными на фоне окружающих территорий. Правда, для этого периода наблюдаются некоторые близкие параллели в сырье, типологии инвентаря, керамике между районами Северного Казахстана и Западной Сибири. Наиболее интересным памятником, который раскопан в Тюменском Приишимье, является стоянка Кокуй I. Авторы раскопок связывают её керамику с керамикой Екатеринбургской и Омской стоянок. Эта керамика идет в комплексе с кремневыми орудиями; истоки этой керамики, а также кремня авторы видели на юге от Тюменского Приишимья. Наши материалы подтверждают предположения В.Ф. Геринга, Л.Я. Крижевской, Р.Д. Голдиной, определивших время существования памятников типа Кокуй I – конец V–IV тыс. до н. э.

Близость инвентаря стоянки Кокуй I с материалами памятников Явленка IV, V, Виноградовка X, Жабай-Покровка III и др. прослеживается по всем основным показателям – сырью, технике расщепления, типологии и морфологии.

Черты сходства в инвентаре и территориальная близость объектов позволяют поставить вопрос о культурном единстве памятников раннего этапа среднеиртышской и позднего этапа атбасарской культур. Эту близость можно объяснить двояко: I) активная взаимосвязь (культурная и этническая) населения двух регионов, расположенных в одной долине реки, которая

облегчала эти связи в течение круглого года; 2) результат меридиональной миграции населения Северного Казахстана вдоль водных транспортных магистралей степных и лесостепных районов Казахстана до северной кромки лесостепи Западной Сибири. В первом случае памятники следует считать разнокультурными с археологической точки зрения, во втором – однокультурными. Нам больше импонирует второе, поскольку связи населения, оставившего кокуйские памятники, с аборигенами Тоболо-Исетского бассейна археологически менее выражены, нежели Ишимского.

На западе североказахстанской этнокультурной области материалы памятников явленского варианта уже не находят таких близких комплексных аналогий, как с районом Тюменского Приишимья.

На Южном Урале, примыкающем к При-тоболью с востока, в настоящее время известно большое количество памятников, изученных раскопками. Это стоянки Чебаркуль 1-й, Учалинская I, Сабакты 6, Суртанды 6 и др. (Крижевская, 1968, с. 69 ; Матюшин, 1962, с. 95).

Сопоставление произведено нами по исходным формам заготовок, размерам и набору памятников явленского типа атбасарской культуры и южноуральских стоянок, исследованных Л.Я. Крижевской и опубликованных в ее монографии «Неолит Южного Урала».

Южноуральские средненеолитические памятники составляют своеобразную культурную группу с выраженной пластинчатой индустрией, имеющей ряд сходных черт общего порядка с казахстанским неолитом. Сходство соответствует, вероятно, не уровню южноуральско-казахстанской общности, а понятию единой культурной зоны.

Центральноказахстанские, восточноказахстанские параллели в настоящее время выражены слабо, сравнение комплексов затруднено из-за отсутствия хорошо раскопанных однослойных памятников.

Таким образом, суммируя результаты сопоставления средненеолитических памятников атбасарской культуры с сопредельной территорией республики, следует подчеркнуть, что

пока сопоставления носят условный характер.

При сравнении же с районами Западной Сибири и Урала наблюдается значительное своеобразие казахстанских и уральских памятников, соответствующее уровню археологических культур. Наиболее сложным и неразработанным является вопрос о взаимоотношении неолита Казахстана и Средней Азии. В настоящее время имеются данные, которые трудно объяснить с какой-либо определенной позиции (автохтонной или миграционной).

В позднем неолите-энеолите в пределах североказахстанской этнокультурной области происходит дальнейшее развитие средств производства на базе явленского варианта. В это время повсеместно наблюдается процесс активного внедрения в практику древнего мастерства техники двусторонней обработки камня и шлифования. Характерно, что изменяется и сырье – на смену достаточно качественным яшмовидным породам приходит крупнозернистый кварцит. Пластинчатая техника, хотя и остается, но уже не играет той ведущей роли, которая была отведена ей в предыдущие эпохи. Археологический материал, имеющийся в нашем распоряжении, показывает его однообразие на изучаемой территории республики. Если в раннем неолите наблюдалось два четких варианта атбасарской культуры, то в позднем происходит нивелирование этих вариантов и однообразие технологии и набора на широкой территории, выходящей за пределы Тоболо-Иртышского междуречья.

Судя по археологической литературе, данная тенденция в изменении облика орудий труда и керамики наблюдается на широкой лесостепной и полупустынной части Азии, куда входит и североказахстанская этнокультурная область. Если в пределах большой микролитической культурной зоны евразийской лесостепи в позднем мезолите и раннем неолите она являлась лишь фоном для образования локальных этнических группировок, то в позднем неолите и особенно энеолите мы можем говорить о сложении на этой территории крупных культурно-исторических общностей, объединенных, вероятно, не только сходной экономии-

ческой платформой (развитие производящего хозяйства), но этническими и социальными узлами.

Постановка вопроса о происхождении неолита Северного Казахстана стала возможна лишь после открытия и исследования мезолитических памятников в данном регионе и сопредельных территориях Зауралья и Западной Сибири (Петров, 1974, с. 11).

Основные отличия и преемственность в индустриях мезолитической и неолитической эпох. В раннем неолите по сравнению с мезолитом стабилизируется характер сырья. Если в мезолитических памятниках наблюдается разнообразная порода – от кремня до молочного кварцита, то в неолите в основном серая или красноватая яшмовидная порода. Однако техника расщепления существенно не меняется. Нуклеусы призматические, конические, карандашевидные, правда, почти нет в неолите клиновидных, которые широко распространены в мезолите. Преемственность наблюдается и в характере использования исходных заготовок. Набор орудий неолитических коллекций также отражает связь с предшествующей мезолитической эпохой и появление новых форм, вызванных экономическими требованиями на новом историческом этапе. В неолите с новой силой расцветает техника резцового скола, краевое ретуширование пластин. Облик ранне-неолитических орудий составляли боковые, угловые резцы, восходящие своими корнями в верхний палеолит, пластины с торцевой выемкой, наконечники стрел на пластинах, трапеции, развертки, скобели и прочие изделия.

Новой является техника двусторонней отжимной ретуши, которая базируется на бифасной технике оббивки эпохи палеолита и мезолита. Основой для построения данной линии развития кремневой индустрии от мезолита до энеолита явились полевые стратиграфические наблюдения авторов. Наши наблюдения и заключения специалистов-почвоведов вполне укладываются в разработанную палеоклиматическую шкалу для Евразии (Нейштадт, 1969, с. 5–12).

Таким образом, можно говорить о сложении атбасарской неолитической культуры Северного Казахстана на местной мезолитической основе. Здесь следует оговориться, что под термином «местная» понимается в данном случае не только Северный Казахстан, но и близлежащие районы Зауралья, Западной Сибири, Казахстана, близких по ландшафтным и климатическим условиям.

